

Жизнь на удалёнке

Апрель 2020. Опытom делятся: Ованес АЗНАУРЯН, Мария АНУФРИЕВА, Евгений БУНИМОВИЧ, Михаил ГИГОЛАШВИЛИ, Бахыт КЕНЖЕЕВ, Керен КЛИМОВСКИ, Борис КУПРИЯНОВ, Илья ОДЕГОВ, Александр СНЕГИРЁВ, Ольга СТОЛПОВСКАЯ, Алексей ТОРК, Михаил ФАУСТОВ

Ованес Азнаурян, прозаик (г.Ереван, Армения)

Сфотографировать небо

Карантин. Самоизоляция. Удалёнка... Да легко! — подумал ты. Жизнь писателя — это так или иначе сплошная удалёнка, не говоря уже о самоизоляции. Писатель — всегда один. Всегда один на один с удалённым условным читателем. Но что-то не так. Что-то не получается. И ты только на четвертый-пятый день понимаешь, почему тяжело переносишь карантин: в твоей жизни ровным счетом ничего не изменилось! И отсюда неутешительная мысль: какой же скучной жизнью ты жил раньше! И что вообще делали люди раньше, раз сейчас так жалуются на эту изоляцию? Надо бы расспросить. Но вместо этого ты просто обрушился на них: да ладно вам! Ведь в основном ходили на работу, возвращались домой (чертыхаясь при этом и ненавидя всех и вся). В месяц раз с кем-то встречались в каком-то заведении. Вы же не вели в большинстве своем яркую, полную приключений светскую жизнь, не так ли? У человека просто плохая память. Когда становится чуть хуже, он думает, что раньше было супер как хорошо. Забывая при этом, что и раньше было дерьмо, и сейчас дерьмо, да и потом будет дерьмо (суть, как говорится, в оттенках). Просто сейчас дерьмовее. Скажем, если сейчас вырубят электричество и интернет, вы будете вспоминать прошедший месяц изоляции как «счастливое время, которое ушло». Но человек ко всему привыкает. Человек — это самое адаптируемое животное в мире. И у него нет другого выбора. Если б у человека не было этого свойства, он бы исчез (как вид).

Но ты зря на людей наехал, писатель. Люди как люди. В общем, напоминают прежних... Может, с тобой что-то не так? Ведь ты даже можешь утешиться от того, что выражение «хорошо там, где нас нет», мучившее тебя всегда, уже не актуально... Доброе утро, Мир! Ты победил!.. Теперь ты уже не помечтаешь о том, чтоб прогуляться по площади Camp de' Fiori или пройтись по Rue de la Bûcherie и зайти в тот книжный. ПОТОМУ ЧТО ВСЕ ЕДИНО ВЕЗДЕ. Но это малодушное утешение. Утешения тоже бывают малодушными. Так что будь человеком, пойдя, изолируйся на «Каскаде»¹

¹ «Каскад» — архитектурно-монументальный комплекс в Ереване. Представляет собой каскад из пяти открытых террас с прекрасным видом на город и Арарат. С 2009 года в комплексе «Каскад» действует художественный музей — Центр искусств Гафесчяна.

минут на тридцать-сорок и разберись, что не так с тобой. Ведь весна! Ласточки прилетели! Думаешь о том, что ласточки с удивлением смотрят сверху на город и спрашивают у бродячих собак, лениво и почти нахально возлежащих на тротуарах, совершенно не рискующих быть задавленными прохожими, велосипедами, самокатами, колясками:

— А где все? Собаки, где люди?

— Давно людей нет, ласточки. По домам сидят. Если и выходят, то в намордниках. У нас научились. Кстати, по тому, как тот или иной человек надевает маску, можно понять, как он пахнет...

— Какой ужас! Город кажется покинутым. Мы вернулись в пустой город. Город наш теперь опустевший!

Решаешь перед уходом из самоизоляции в самоизоляцию сфотографировать небо.

Вспоминаешь, что на бумажке-пропуске в графе *Причина выхода из дома* написал: *прогулка*. И малодушно, по-интеллигентски пугаешься нарушению (расстояние неправильно рассчитал — «Каскад» дальше, чем 500 метров), но берешь себя в руки и возвращаешься домой все же не дворами. И жалеешь, что не столкнулся с патрулем. Как-то никак, а люди! Удивляешься самому себе, что соскучился по людям, прохожим, велосипедам, самокатам, коляскам, которые еще совсем недавно так раздражали.

Город наш опустевший! — думаешь ты. — Город наш покинутый! Оказывается, весна — это не весна, когда нет людей. И плачешь вместе с Иеремией: «Как одиноко сидит город, некогда многолюдный!» И уже в домашней самоизоляции смотришь из окна на предгрозовое небо: «Ах, написать бы роман!» Как *ее* зовут, уже придумал. Осталось решить, как зовут *его*. Кокетничаешь: делов-то! Написать роман! Это не так уж и трудно. Нужно просто умереть. Потом снова воскреснуть. Всего лишь.

И да: оставаться дома! На *вечной* удалёнке.

Мария Ануфриева, прозаик (г. Санкт-Петербург, Россия)

«Интересно, на солнышке вирус сохнет?..»

Моя дорогая редакция!

На удалёнке я живу хорошо. Если бы не опасность коронавируса и волнения, с ним связанные, можно сказать: просто замечательно. У меня есть свое рабочее место в теплом доме с видом на Онежское озеро. Дом этот в столице Карелии — Петрозаводске, куда я эвакуировалась из Петербурга вместе с сыном и африканскими улитками ахатинами.

Без людей на удалёнке очень скучаю. Особенно по вечерам. Поэтому с удовольствием вам скажу, где я тут живу. Забирать меня не надо, а вот сами из Москвы, если что, приезжайте — не пропадем. Общественный транспорт у нас скоро месяц как не ходит, так зато нет таких очередей, как у вас там в метро. Алкоголь в рамках борьбы северных народов с коварным вирусом продают до 16 часов. По вечерам тихо и благостно, как в деревне.

А еще у меня теперь есть дистанционное обучение. Я так люблю русский язык, который отказывается «делать» мой сын! С правилами-то у меня не очень: то с безударными гласными напутаю, то с фразеологизмами оплошаю. Потому что,

дорогие мои редакторы и корректоры, учеба у меня была легкая — средняя школа да факультет журналистики с аспирантурой. Но сейчас все по-другому: инновационный лицей с рейтинговой 12-балльной системой оценок. И Электронная школа, и zoom, и учитель на связи в whatsapp двадцать четыре часа в сутки. Учись — не хочу. Но мне теперь компьютер, равно как летучих мышей китайцам, даже видеть не хочется. Ведь раньше для нас он-лайн, как и мыши для жителей Уханя, был просто так, развлечением. Теперь многие наши бывшие «ценности» как лохань на помойку унести можно — китайскую кухню и потребительскую вакханалию уж точно; да не ценности и были. Жаль только, кредиты остались... Два. Зато теперь днем я прогулкой по улице наслаждаюсь. Как выйду — глаза вытарашу, плечи расправлю и хожу вокруг дома, как ненормальная. При приближении посторонних отбегаю и дыхание задерживаю. Согласно новым рекомендациям ВОЗ, выдохнуть через четыре метра можно. Интересно, на солнышке вирус сохнет?

А на днях я карельских авторов читать начала, открыла шкаф, до отказа набитый книгами почивших в бозе Мурманского книжного издательства да издательства «Карелия», вместо которого в Петрозаводске давно уже строительная база открыта. Но прежние советские тексты с меня, как старая шерсть, что-то сыплются — хоть с полки не бери. Зато новые радуют — вот Александр Бушковский, вами напечатанный! Просто находка. Да еще, стыдно-с признаться, свое опять начала писать. Прежде как было — заказухи много, а жрать хочется, вот и пишешь, как Шарик, от зари до зари. Час посочиняешь, два попишешь, а потом свой собственный не текст какой-то получается, а сплошное огорчение. Теперь жрать тоже хочется, а желающих оплатить банкет все меньше. Зато свободе творчества — зеленый свет.

Дорогая редакция, надеюсь, после самоизоляции вы меня просто не узнаете. Русский язык с безударными гласными и фразеологизмами у меня будет торчком, проработка сюжета — пучком, отношение к гонорарам — холодное, и общая покладистость — повысится. Так что вы за меня не переживайте. Я такая начитанная и технически продвинутая на удалёнке стала, прямо — ух!

До свиданья.

Ваш автор —

Мария Ануфриева

*Евгений Бунимович, поэт, председатель Комиссии по образованию
Мосгордумы (г.Москва, Россия)*

Вышел зайчик

...раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь — поворот...

Гуляю. Воздухом дышу. Длинный у нас балкон. Узковатый, но длинный. Хорошо, не застеклили его — как соседи над и под. И не захламили.

Можно даже исхитриться чаю тут откушать. Два стула помещаются. Специально купили когда-то, складные. Собирались вечерами чаевничать — неторопливо, по-стариковски. Да незачем (было), когда вокруг кафешки (были), когда еще вроде как не старики (были)...

Теперь старики. Официально. 65+. Указ мэра. Группа риска...

...раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь — поворот...

Семь — особое число, счастливое. Семь дней творения. Семь чудес света. Семь цветов радуги. Семь нот в тишине. Так никто и не смог толком объяснить склонность нашей цивилизации к числу семь.

Хотя смертных грехов тоже семь. Алчность, зависть, гнев, похоть, гордыня, чревоугодие, лень... С годами все это уходит. Убывает естественным путем.

Вот только лень неизбывна. А надо побыстрее ходить, поэнергичней.

...раз, два, три, четыре, пять, шесть — поворот...

Почему не семь, а шесть — и поворот?

Ну да. Еще в студенческом своем отрочестве в Питере отсчитывал от дома Раскольникова до старухи те самые *ровно семьсот тридцать шагов*, которые обозначены у классика. Однако шагов тогда получилось куда больше, почти тысяча. Родион, он и повыше был, и поразмашистей, и шагал *с нервною дрожью*, почти бежал.

Дом Раскольникова был в те времена отнюдь не экскурсионным объектом. Облезлый, хмурый. Ржавый замок на двери хрестоматийной каморки на чердаке и раздражённая записка: «Ключ в ЖЭКе».

Недавно снова там оказался. Свежеокрашенный фасад, вокруг садик разбит, клумбы, лавочки. Туристы из Китая явно недоумевали: чего ему не хватало?

Господи, какие теперь китайцы, какие туристы... Сам-то увижу ль берег очарованный?

...раз, два, три, четыре, пять, шесть — поворот...

С утра поработал из дому на удалёнке «живым гвоздем» в эфире «Эха Москвы». Об ошибке мэра, из-за которой толпы на входе в метро, о внезапно-дистанционной учебе школьников, о госэкзаменах, которые им всё равно предстоят. Учителя тонут в онлайн-методиках, родители стонут, но кое-как выстраивается... Бог даст, в школу вернутся — наверстают.

Вернутся в школу? А зачем им туда возвращаться? Если всё можно онлайн получить? Или не всё?

Школе придется отвечать на этот непростой вопрос. Не только принимать у школьников госэкзамены, но и сдавать экзамен перед детьми — на профпригодность...

...раз, два, три, четыре, пять, шесть — поворот...

Написать, что ли, сценарий фильма по мотивам? Студент Раскольников на самоизоляции сидит в своей каморке, дабы не заразить старуху-процентщицу, входящую в группу риска...

Так. Холодает. Зябко стало. Не останавливаться. Не задумываться. Еще энергичней, еще быстрее...

...раз, два, три, четыре, пять — поворот...

Пять — и поворот?

Всё. Пора домой. Ещё продует. Заболею. Алгоритм известен: если ОРВИ, то обязан сдать врачам, а если еще и 65+, то прямиком в больницу.

...раз, два, три, четыре, пять...

Вышел, зайчик? Расстрелять!

Михаил Гиголашвили, прозаик (г.Саарбрюккен, Германия)

«Да здравствует карантин!»

Дорогой Саша¹, ты просишь дать картину жизни под карантином в Германии, где я уже 30 лет живу и работаю. Рискую навлечь на себя праведный гнев любителей спорта, дискотек, шоппинга, фитнеса и прочей социальной ерунды, но, по мне, пусть бы такой карантин был всегда!

Сам посудите.

Шмотки я не покупаю. По барам и ресторанам не хожу, а продуктовые лавки открыты. Карантин мягкий, без запретов. Немцы умны и дисциплинированы: как только им сказали сидеть дома — тут же разбежались по норам. И строчат доносы на тех, кто собирается больше трех, — сегодня, например, в одном Берлине поступило 150 сигналов в полицию, что кто-то где-то жарит мясо на лужайке. Стукачество здесь дает хорошие плоды, все всего боятся и ведут себя пристойно. Недавно вышел в магазин. В трамвае — пять человек и свежий дух. На улице — тишина и покой, нет бородатых мусульман и негритянок с пятью детьми, наводнивших Германию по преступной воле канцлерши Меркель. В магазинах — полные полки, мало людей, все — в метре друг от друга, никто не мешает выбирать. Словом, все хорошо, да здравствует карантин! А чем голову, тело и желудок занять — пусть каждый решает сам! Я, например, занят тем, что правлю и сокращаю свой новый роман, смотрю криминальные сериалы, боевики и фильмы про животных, слушаю «Эхо», переписываюсь с друзьями, читаю фейсбук, засыпаю в 4 часа ночи, а встаю в 12, чтобы начать всю круговерть жизни с начала.

Бахыт Кенжеев, поэт, прозаик, эссеист (г.Нью-Йорк, США)

«Хорошая выйдет прививка от гордыни»

Утром жена моя Лена обычно уходит на службу, из сострадания не желая меня будить. Ну как же — я ведь до трех или четырех утра (якобы) служил музам, да еще и выпивал при этом. Так что сплю до полудня, потом слоняюсь по небольшой квартире, изображая если не служение музам, то благородную медитацию. Жизнь удалась. Мне удалось избежать и тюрьмы, и сумы. Внимательно читаю всемирную стенгазету «Фейсбук», слежу за спорами тупоконечников и остроконечников. Хожу за продуктами, как некогда мама, гордясь каждым куском, добытым по сходной цене. Готовлю еду. Играю в нехитрые компьютерные игры типа «Тетриса». Стыжусь своей душевной лени. Готовлюсь к очередной поездке в Москву, припасть, как говорится, к животворному источнику вдохновения (читай, выпить и погулять с понемногу вымирающими друзьями). Вечерами, бывает, выпиваю с товарищами, ругаем то республиканцев,

¹ Из письма зам.главного редактора «ДН» Александру Снегирёву.

то демократов, то богопротивный режим, установившийся в отечестве. Иногда, к собственному удивлению, где-то часа в два ночи вдруг мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы быстрые навстречу им бегут. Эдакое *dolce far niente*. Иногда не могу заснуть от рева грузовиков за окном. Так и живу.

Это такое вступление. Исповедь счастливого человека.

В самоизоляции, как в карантине, или в глубоком тылу во время войны, человек словно страдает от несильной, но постоянной зубной боли. Или мигрени, если угодно. Он вполне жив, он здоров, он обитает в привычной квартире, и беда его несравнима ни с войной, ни с блокадой, ни с голодом, ни с многими другими вехами нашей многострадальной истории. Правда, он лишается большинства прелестей жизни в мегалополисе. (Наша улица, по которой в любую погоду гуляют толпы студентов, сейчас совершенно пуста.) На улицу его не пускают, встреча с друзьями или родными становится недоступной роскошью. О путешествиях можно забыть. Чудо XXI века — Интернет — приедается. Отдельные оптимисты уверяют, что никогда еще не жили так насыщенно, избавившись от светской суеты и получив в распоряжение море свободного времени. Рефрижераторы с трупами если и проезжают, то где-то там, вдали за рекой, как в старой советской песне. Ты ведь в тылу. Но всякий день газетные сводки все мрачнее, жизнь в городе замерла, лишь изредка проковыляет мимо закрытого магазина электроники сутулая фигура в марлевом наморднике. Разве это жизнь?

Еще недавно жена по вечерам слушала передачи про то, какая вокруг трагедия, какой негодий и лгунишка этот дебиловатый жулик, который сейчас руководит американским государством, и как миллионы безработных выстраиваются в очереди за бесплатными продуктами (что чистая правда). Я ей запретил, во всяком случае, при мне. В порядке самозащиты, по той же причине, по которой в незапамятные годы не слушал советское радио. Может быть, по малодушию.

Но плакаться некому, потому что беда постигла всю планету. Я утешаюсь тем, что бывало и гораздо хуже. (Чем мы лучше наших отцов и дедов, проживших такую, по большому счету, страшную жизнь?) Реальные катастрофы в последние полвека поражали отдельные сравнительно небольшие народы, а страны побольше и побогаче пребывали в состоянии некоторого самодовольства. Типа, мы же умные и цивилизованные, с нами такого случиться не может. Вот и случилось. У нас отобрали сытую размеренную жизнь со всеми ее недостатками, заменив ее на прозябание в благоустроенной исправительной колонии.

Хорошая выйдет прививка от гордыни, должно быть. Но погибших жалко. И врачей, и обывателей (к которым принадлежу и я). И людей, которые не могут работать дома. И пенсионеров, которых болезнь косит в несколько раз чаще, чем молодых.

Всякий раз поражаюсь, как неисповедимы пути Господни.

Керен Климовски, прозаик (г. Мальмё, Швеция)

«Здесь призраки мы — добровольно севшие на карантин»

Наша ситуация двойственная, так как «на удалёнке» мы и еще несколько наших знакомых (преимущественно русскоязычных), а страна — Швеция — живет обычной жизнью. Ну как, обычной? Не совсем, конечно. Отменены все мероприятия, закрыты театры, студенты и ученики старших классов перешли на домашнее обучение. Люди по возможности работают из дома, остальные ездят на работу по «сменам». Каждая организация сама решает, какие меры принять, но в основном все следуют рекомендациям правительства. Шведы народ законопослушный.

Но работают детские сады, школы, транспорт. В Стокгольме, самом пострадавшем городе, только на прошлой неделе закрыли кафе и рестораны, а у нас, на юге Швеции, они открыты. Мы проезжаем на машине по городу в поисках удаленного и безлюдного места для прогулки и видим, как на лужайках загорают, устраивают пикники, разжигают гриль, как на открытых террасах кафе и ресторанов сидят люди, блаженно подставляющие лица солнцу. Это можно было предугадать: когда наконец-то появляется солнце, никакая сила не удержит шведов в домах...

И правительству доверяют, верят, что оно на стороне народа, есть даже специальное слово по-шведски, обозначающее это понятие. То, что наша страна в своей тактике, в этом рискованном и немного безумном эксперименте совершенно обособлена от мира, никого не смущает. Кроме нас — тех, кто прожил часть жизни в Советском Союзе, или чьи родители родились и выросли там (как в моем случае). У нас недоверие к решениям властей — в крови. И на всякий случай, еще в середине марта, мы забрали детей из садика и школы, рискуя скандалом, так как в Швеции посещение школы — обязательное, и к пропускам относятся строго.

Отсюда странное ощущение. В других странах — опустевшие улицы и как будто вымершие города-призраки. А здесь призраки мы — добровольно севшие на карантин, выпавшие из привычной жизни.

Правда, отношение к действиям властей у нас уже не такое однозначное. Возмущенное: «Что курит наше правительство?!» — сменилось осторожно-оптимистичным: «Ну, может, у них есть своя логика...» Опять же, это из серии: «Дети, не повторяйте дома!» Скорее всего, в других странах — густо населенных темпераментными людьми — это бы не сработало. Но если проводить такой эксперимент, так это в Швеции, где от силы один большой город, еще пара средних, а остальное — городки и деревушки, в Швеции, где люди и без всякой эпидемии соблюдают «социальную дистанцию», не садятся рядом с незнакомцами в автобусе (и вообще предпочитают автобусу велосипед!), а со знакомыми не лбызаются при встрече, как жители более южных стран. Если что-то и вселяет в меня робкую надежду на то, что «пронесет» и без жесткого карантина и не закончится тотальной катастрофой и коллапсом медицинской системы, так это недавно прочитанный по-шведски анекдот: «"Соблюдайте дистанцию в два метра!" — рекомендовала ВОЗ. "Два метра? — переспросили шведы. — Как-то это маловато..."»

Борис Куприянов, соучредитель книжного магазина «Фаланстер», директор сайта о книгах и чтении «Горький» (г.Москва, Россия)

«Непонятный, пустынный, немой город...»

В Москве есть уникальное время, когда дружно, когда разными очагами город заволакивает зеленоватый дым от только распустившихся почек. Цвет этот очень слаб, и кажется, что только ощущается, но не виден еще. День-два — и его сменяет радостная молодая зелень, но мгновения, часы этого света бесподобны и почти незаметны. Наверное, если бы москвичи были наблюдательней и чувствительней в своем сером и, прямо скажем, не самом живописном городе, то можно было бы превратить эти дни в культовые медитации, как цветение сакуры, но... не в этом году.

Я спасся (и избежал самоизоляции) тем, что устроился курьером в один книжный магазин, директор его, сноб и грубиян, некто К. отнесся ко мне благосклонно, и так как наличие машины (которую я занял у отца) было важным фактором, дело было обделано в течение одного дня. Дело не только в моей несознательности. Магазины Ф. надо было срочно помогать, а существование на так называемой самоизоляции рисковало превратиться во вполне реальное обнуление из-за депрессии, нарастающей стремительней, чем график заболеваний при самом неблагоприятном прогнозе, и осознания полного бессилия и тщеты. Физический же труд, а труд курьера что ни на есть физический, спасал. Когда из-за вводимых мер пришлось-таки пересест на машину, состояние легального, но все же как бы незаконного фланера омрачилось большим количеством информационных радиостанций, которые силились наполнить меня тем, чего я так бежал. Они вирусно распространяли психоз не хуже интернета. Мне дался с усилием отказ от потребления контента информационного в пользу музыки классической и не только.

И вот я провожу по 10-12 (иногда чуть меньше) часов за рулем, развозя по всей Москве в ее административных границах заказанные книги. Надо сказать, когда едешь по 18-20 обязательным адресам, это совсем не то, что передвигаться на машине «по делам» в обычном режиме, город предстает совсем в другом ракурсе. Например, я понял значение навигатора. Раньше, а начал я водить в девяностых, движение было устроено проще. Если вам надо было ехать направо, то направление поворота совпадало с градиентом вашего движения, за редким исключением, сейчас же вовсе не так. В незнакомом районе, где вам просто нечего было делать раньше, развязки устроены самым немыслимым образом. О классической «ромашке» можно только мечтать. Сегодня неприхотливые полевые цветы превратились в экзотические орхидеи, хирантодендрон пятипалый или, не приведи Господь, *Antirrhinum*, и без электронного специалиста по цветочной логистике не справиться. Обидно, всегда считал, что знаю Москву, а тут город показался непонятным. Он вообще изменился, стал пустынным и каким-то немым.

Труд заставляет тебя отключиться от катастрофических мыслей и приносит приятную, понятную усталость, исчислимую, предсказуемую и монотонную.

Вечером не очень хочется читать, заставляешь себя через силу. Хочется спать.

Мне повезло куда больше, чем многим. Можно заметить что-то совершенно необычное, увидеть красоту в обыденном, отключиться от тоски и беккетовского ожидания.

Очаги зеленого дыма недружны в этом году, но тут и там видишь его волны, вот-вот за поворотом на улице Вильгельма Пика, на Боровском шоссе, в Ясенево... ан нет, тут еще рано, деревья по-осеннему серы.

Странный год: не было зимы, стояла совсем не сезонная погода, не было весны с играющими детьми, компаниями навеселе, обворожительными девушками и прогулками влюбленных. Тут причины понятны.

Страшно даже представить, по каким причинам не будет лета и осени в нашем 2020 году.

Илья Одегов, прозаик (г.Алма-Ата, Казахстан)

«Жизнь вне общества приводит к одичанию»

Конечно, любая эпидемия — это страшно и грустно. И кто бы что ни говорил о том, что, мол, в мире каждый день умирают десятки тысяч людей от других причин, это ситуацию не меняет. Так или иначе, появилась новая причина, новый враг для человека. И с этим нужно справиться. Однако в нынешней ситуации есть то, что меня вдохновляет — я чувствую, что люди всего мира стали ближе друг другу. Мы все одинаково находимся в самоизоляции, все сидим по домам — от Нью-Йорка до Дели, от Берлина до Алма-Аты. И у нас теперь есть общее дело. Мы все вместе — плечом к плечу — боремся с вирусом. Пытаемся не дать ему распространиться. И мне кажется, что благодаря этому мы, наконец, чувствуем себя не французами, корейцами или русскими, а людьми, человечеством.

Меня самоизоляция не страшит. В принципе, самоизоляция для писателя — состояние привычное. Книжки пишутся в одиночестве, и читают их тоже в одиночестве. Но что я могу отметить точно, так это то, что жизнь вне общества приводит к одичанию. Не нужно больше выбирать одежду. Гладить ее тоже не нужно. Да и одеваться вообще необязательно. Необязательно бриться. Необязательно рано вставать. Необязательно обедать во время перерыва на обед. И чем дальше, тем чаще я задаю себе вопрос: а стоит ли делать то или это? Кому это нужно? Нужно ли это мне?

А еще я жутко завидую людям, которые в соцсетях пишут о том, что уже пересчитали количество зернышек в килограмме риса. Значит, ну вот такая у них жизнь упорядоченная, слаженная, свободная. Вместо этого я по-прежнему сплю по три часа в сутки, потому что понимаю, как много еще всего нужно успеть сделать. В эти дни я веду параллельно два онлайн-курса: «Литпрактикум» для начинающих писателей и второй, новый — для тех, кто хочет заниматься творчеством вообще. Читаю кучу рукописей учеников еженедельно. Я наконец-то добрался до своего полузаброшенного романа, который очень вяло пишу уже третий год, и теперь пытаюсь его реанимировать. Разбираю накопившиеся материалы и по литературе, и по музыке, а их очень много. Шкурю «икеевский» стол, я его давно обещал перекрасить. Переносу в ноты музыку, которую несколько месяцев назад придумал и уже почти забыл. Монтирую прошлогодние видеозаписи, до которых все никак не доходили руки. Прохожу онлайн-курс по тайм-менеджменту, потому что хочу успевать больше, а не понимаю — как (хотя уже чувствую, что по предлагаемой в курсе схеме работать просто не смогу). И только мечтаю о том, чтобы найти время на чтение какой-нибудь хорошей книжки или на просмотр фильма, который давно откладываю.

И, пожалуй, больше всего мне сейчас не хватает возможности посидеть где-нибудь в очереди в банке или в кресле самолета, который летит куда-нибудь подальше — в общем, вынужденно побездельничать. Отдохнуть. По своей воле у меня это сделать не получается. И вот там, в самолетном кресле, я бы выпил чашечку кофе (а может и не только), посмотрел бы сквозь сон какую-нибудь глупую комедию, а потом бы уснул. Надеюсь, что после окончания карантина у меня это получится.

Александр Снегирёв, прозаик (г.Москва, Россия)

Жрецы плодородия

Весной я стараюсь почаще бывать в деревне. Весной меня охватывает первобытная тяга к земледелию. Я вскапываю грядки, рыхлю почву, выбираю корни сорняков. Я выгребаю золу из печи, компост из ямы, навоз из корыта, перемешиваю и насыпаю.

В мае я сажаю, в июне поливаю, в июле забываю.

К середине лета мой запал иссякает, и я не то что не поливаю, не полию и никак не обихаживаю собственный огород, я даже не могу вспомнить, что и где посадил. Боюсь, я ужасный отец всем этим салатам, редису и рукколе — густой бурьян превращает поиск грядок в археологическую экспедицию, когда учёные ищут остатки цивилизаций среди джунглей. Отдельного изучения достойно отсутствие у меня интереса к урожаю.

В этом году все иначе.

В этом году мои сезонные желания совпали с карантинной необходимостью. Я заперт в своем огороде и нисколько об этом не жалею.

Пока.

Бушующая за забором пандемия подхлестнула моё усердие, и в этом году я не просто вскопал землю и выбрал сорняки. Я подошёл к делу фундаментально: вырыл два кювета, забросал измельченной трухлявой древесиной, перемешал с компостом, скрутил из досок прямоугольные оградки и соорудил что-то вроде двух длинных узких могил. В таких можно похоронить тощих титанов.

На самом деле это настоящие теплые грядки. Древесина выделяет тепло.

По крайней мере, должна.

По крайней мере, я на это рассчитываю.

В любом случае, это очень похоже не только на могилы, но и на грядки.

Никогда у меня не было грядок, настолько похожих на грядки.

Должен отметить, что все это я проделал на пару с отцом.

Мы обустроили грядки вместе.

Вообще-то работа на земле неплохо снимает стресс, но мы, пока возились, несколько раз переругались.

Отец даже швырнул в меня доской.

Ему восемьдесят пять, если что.

Я успел увернуться.

Главное, результат есть.

В виде грядок.
Осталось осуществить посадки.

А теперь вывод.

Пока я все это делал, я думал. Я думал, что же меня так привлекает в этом весеннем огородном ритуале?

Меня привлекает плодородие.

Я чувствую себя жрецом храма плодородия. Не в смысле пафоса, какой тут пафос, в смысле призвания.

Мне нравится сваливать в кучу скошенную газонную траву и отходы с кухни, нравится присыпать их землёй, чтобы получился компост. Я люблю заказывать навоз из конюшни. Люблю формировать плодородный слой почвы поверх нашего глиняно-каменного участка.

Производя плодородную землю, я делаю то же, что делают все художники мира: берут пустяки, сор, незамеченные другими людьми штуки, соединяют и получают картины, истории, музыку. Художники во все времена осуществляют мечту алхимиков — берут прах и превращают в золото. Я беру разрозненные, бессмысленные по отдельности элементы, отходы и мусор, и превращаю в плодородную почву.

Жена смотрит на мои манипуляции с долей скептицизма. Не потому, что не доверяет сельскому хозяйству, а потому, что трезво оценивает мою усидчивость. Обещаю в этом году набраться терпения и не бросать салаты, редис и рукколу не только до июня, но и на протяжении всего их земного, в прямом смысле, пути. Обещаю осуществить не только зачатие и вскармливание, но и воспитание плюс жатву. В связи с этим очень надеюсь, что лето будет теплым, плоды созреют быстро, мы их съедем и на целый год забудем о прополке и поливе.

Ольга Столповская, прозаик, сценарист (г.Москва, Россия)

Хвост ящерицы, Ной и грабли

Должен был случиться мировой катаклизм, пандемия, чтобы родители согласились пожить на даче.

Я много лет строила и мечтала, как приедут родители, но, как и в моем детстве, они были заняты своими делами.

Даже когда объявили пандемию, они еще отмахивались от приглашений и не соглашались воспользоваться доставкой продуктов. И только когда объявили, что пенсионеров будут штрафовать за нарушение карантина, родители сдались и прикатили ко мне за город.

Для меня это необычный опыт, крайний индивидуализм я всосала с молоком матери, а теперь заказываю продукты на все племя, распределяю сыр и масло на всю семью, и, конечно же, у нас матриархат.

Муж, родители, свекр, собака, шиншилла, амазонские лилии, все это вращается теперь вокруг меня. Только я знаю, где у нас стиральный порошок, какой пароль

от WI-FI, какую воду залить в чайник, как уместить в холодильник два десятка яиц и где грабли. Если не знаю я, не знает никто.

Легко могу представить, что чувствовал Ной, когда крыса прогрызла дырочку в ковчеге, и ее пришлось затыкать хвостом ящерицы, как сообщается в апокрифах.

Святой человек этот Ной.

Обсуждение книг, ремонт стиралки, цветение вишни, таблетки и бесконечные мелкие нарушения карантина с последующими строгими выговорами составляют жизнь нашего ковчега.

Я смотрю это, как фильм, в котором эгоисты-горожане оказываются в деревенском имении и вынуждены рубить дрова, носить воду с родника, топить печи и, главное, заботится друг о друге и помогать близким в условиях мировой пандемии.

Понимаю теперь, почему Ной пил вино.

Мы с родителями никогда не были так близки, как в эти дни. Эта близость в долгом молчании, когда мы гуляем с отцом по лесу, и солнышко дарит нам ласковые весенние лучи. Эта близость в семейном застолье, когда мама долго с невероятной живостью вспоминает о запретных в ее детстве любимых сестрах Берри, а свекр пытается вспомнить, как называется группа, которая ему очень нравится, и оказывается, что он любит вокально-инструментальный ансамбль АББА.

Я читала, что люди, умирая, чаще всего жалеют, что не общались со своими близкими. И вот мне подарен шанс, и это забирает все мои душевные силы. Контурная карта заполняется новыми рельефами.

Сейчас трудно поверить, что этот фильм закончится, когда снимут карантин и все разъедутся по своим делам. Темп жизни начнет набирать обороты, память рассыплет и пересоберет этот пазл. Останется невыразимое. То, что больше и значительнее слов.

Алексей Торк, прозаик (г.Бишкек, Киргизия)

Чему нас учат собственные беды?

В начале 90-х я все уже это видел, в течение трех лет — ЧП, ЧС, пустые улицы. Тогда это были душанбинские улицы — улицы города, вокруг которого шла гражданская война. А еще раньше, лет с семи, в силу психологического устройства, я ушел в «самоизоляцию». И нахожусь в ней до сих пор с перерывами на журналистику и прочие пороки.

Поэтому я равнодушен к вирусу. Мне жаль стариков, гибнущих всегда первыми. Если б не это, режим «самоизоляции» был бы лучшим для человека. Вообще лучшим. Потому что никакие бедствия, конечно, его, человека, не учат, и COVID не научит. Как изменила человека бойня 1914—1919 годов XX века и последовавшая за ней «испанка»? Чему нас научили — и учат — собственные беды?..

Поэтому нынешний режим самоизоляции, защитив старых и бедных, можно было бы продлевать и продлевать. На «удалёнке» невозможно вести войны, можно

по-мелкому пакостить друг другу, но это другое, терпимое. «Удалёнка» плюс самоизоляция — возможно, прообраз будущего общественного устройства...

Оттого мне сложно объяснить, чем я занимаюсь сейчас. Тем же, чем десять и сорок лет назад. Не пою, не танцую, не изучаю санскрит. Произвожу мысли для самого себя, большинство из них — хорошие. Это не бахвальство. Хорошие мысли, как считается, должны производить хорошие поступки, а у меня бывает наоборот: хорошие мысли оборачиваются плохими поступками. Да у многих так. Потому что человек, сколько бы ни просидел в самоизоляции, то есть в благотворной бездеятельности, после (или в перерыве) становится особенно активен, в широком социальном смысле, и за какой-нибудь час обнуляет всё накопленное добро. Следует ли из этого, что искоренением всякой социальной активности искоренятся плохие поступки? Следует. И лучше бы так и сделать. Очевидная проблема в том, что тогда искоренится сам человек. Вот прочел в «Ведомостях», что в дни карантина спрос на онлайн-заказы товаров для пикника вырос в 29 раз.

Когда закончится COVID и этот наш корабль войдет в порт, в его «культурных заведениях» начнется то, что происходит с моряками, измученными многонедельным плаванием. Иными словами, после эпидемии народ «оторвется», и знает об этом. Что и станет единственным итогом эпидемии. Я не брюзжу и не обвиняю — ни в коем случае. Я сам народ. И горжусь этим, хотя и подустал с годами.

Тем более, что сейчас мы, в общем, молодцы. Поем, танцуем, изучаем санскрит, думаем — поглядите соцсети — одни только хорошие мысли. Пусть принужденные COVIDом, пусть набивая одновременно онлайн-заказ на шашлычницу. Зенон из Тарса, древнегреческий философ-стоик, говорил, что «притворство в добродетели незаметно производит стремление и привычку к ней». А мы сегодня почти и не притворны...

Михаил Фаустов, куратор литературных фестивалей в Иркутске и Новосибирске, основатель чемпионатов по чтению вслух «Открой рот» и «Страница» (г.Москва, Россия)

«И тогда наступит новый яростный мир»

Надо бы пройтись. Километра три, а лучше пять. Мысли станут стройны, слова легче будет сложить в предложения, получится хороший текст. Умный и красивый, чтоб разорваться. Только вот какие сейчас три километра?

Но раз обещал, надо писать. Например, о тщетных общественных ожиданиях расцвета искусств, который-де наступит аккурат после падения мрачных оков самоизоляции. Полноте, вы что, плохо учились в школе и дома? Расцвет искусств случается обычно в суровые времена тирании, а всякая оттепель и свобода напротив всегда приведут к культурному застою. Разве не так? Так что стратегия «вот кончится *это всё* — и заживём!», по-моему, не сработает.

Следить за общественными настроениями, однако, сложно. Слежка получается однобокой и косорукой. Из источников информации остались фейсбучная лента и телеграм. Согласитесь, эти двое дают в результате весьма странную выборку.

Еще две недели назад все мы дружно кинулись спасаться в онлайн. Открытые лекции, бесплатные семинары, «круглые столы», виртуальные трансграничные

пьянки — все это приелось с еще большей скоростью, чем привилось. Вчера нечаянно нажал на свежий ютуб одного вполне известного писателя. Кроме меня его смотрели семь человек. Интернет-версии живых людей моментально потеряли хоть какую-то привлекательность. И вот уже девяносто процентов респондентов сливаются в хоровом нытье: «Идите вы со своим онлайн!»

Я не избежал и той, и другой участи. Мы перевели в интернет наши читательские проекты — чемпионаты по чтению «Открой Рот» (для взрослых) и «Страница 20» (для старшеклассников), потому что не считали себя вправе бросить нашу вовсе не многомиллионную, но достаточно сплоченную аудиторию — и детей, и взрослых. Возможно, сработал наш принцип — чемпионат по чтению вслух это в первую очередь спорт. Интернет дал возможность не терять темпа да и, что греха таить, серьезно сэкономить. Последнее, кстати, весьма немаловажно в условиях текущего момента, когда голова в основном занята проклятым вопросом из двух проклятых частей: на сколько дней хватит запасов еды в холодильнике — и на сколько дней при такой жизни хватит остатков денег на счетах?

Онлайн плох всем. Он лишь создает иллюзию, причем быстро распадающуюся в осколки. На виртуальной пьянке нет вариантов помочь собутыльнику, если у того кончится раньше. Виртуальный рок-концерт напрочь лишен запаха пота, виртуальный театр начинается вовсе не с вешалки. Виртуальный рейв в отсутствие ситтера может попросту оказаться опасным для жизни.

В неблагодарном, но фантастически кайфовом деле организации книжных фестивалей я — непримиримый оппозиционер интернет-версий. Несколько раз за несколько последних дней я слышал из разных концов о блестящих, как новенький рупь, идеях проводить фестивали в онлайн. По мне, так всё это — не совместимая с жизнью ахинея. Смысл любого фестиваля в том, чтобы читатель мог вступить в теснейший контакт с автором и книгой. Взять автора за лацкан. Посмотреть в глаза. Повертеть новую книжку в руках и пролистать несколько страниц. Отругать. Похвалить. Взять автограф в конце концов. Что из этого можно сделать в зуме? А как вы себе представляете виртуальную книжную ярмарку? Ой, так она, кстати, и безо всяких фестивалей уже существует и неплохо себя чувствует. Даже в кризис.

Онлайн, однако, хорош тем, что он не дает шанса расслабиться и расклеиться. «Откройротовские» и «Страничные» чтения проходят у меня сейчас каждый день, а иногда и по два, и по три раза в сутки. Я снова вспомнил о существовании будильника. Я перестал спать по 13 часов, тупить в сериалы и мотать туда-сюда ленту инстаграма. У меня меньше свободного времени, чем было «до войны». Впрочем, на нехватку времени жалуются самоизолированные многие, если не все.

Нытье по поводу усталости от онлайн-ов скоро перестанет быть в тренде и сойдет на нет. И тогда наступит, и опять совсем ненадолго, новый яростный мир. Будет ли этот мир очередным сезоном «Чёрного зеркала» или же всё останется таким, как было еще недавно? Не знает никто. Возможно, про теплую зиму 2020 года мы забудем уже к следующему ноябрю, но очень хочется, чтобы в новогоднюю ночь 2021 года в Москве трещал самый настоящий злющий мороз.